СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

КВАШИС Виталий Ефимович, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: kvashis@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы российской и зарубежной практики регистрации преступлений, сущность, состояние латентной преступности, а также вопросы методологии расчета латентности. Исследование латентности — одно из направлений анализа преступности, имеющего конечной целью совершенствование правоприменительной практики. Компаративный характер такого анализа обогащает содержание научного знания об этих процессах и его практическую значимость. При этом приходится учитывать, что сравнение показателей статистики разных стран связано с определенными ограничениями, поскольку в различных правовых системах существует разное понимание ряда преступлений; кроме того, сказывается специфика учета преступлений в национальной статистике (отсюда разброс показателей и проблема их сопоставимости). Официальные данные в значительной степени не отражают состояния реальной преступности. Между ними находится значительный слой латентности — не поддающийся точному измерению скрытой и скрываемой преступности. На ее масштабы влияет множество факторов, без учета которых нельзя дать обоснованную оценку и прогноз ситуации. В большинстве развитых стран общий уровень латентности значительно ниже, чем в России; он, если и растет, то главным образом за счет роста «естественной» латентности, когда население сообщает в полицию лишь о серьезных преступлениях. Об этом говорят приведенные в статье данные о латентности в Великобритании, США, Японии. В России более высокая латентность связана прежде всего со значительным массивом преступлений, укрываемых от учета. Поэтому реальная преступность в разы превышает зарегистрированную. В итоге мы видим не реальную картину, а конструкт, создаваемый практикой регистрации и официальной статистикой. Исходными в этой порочной практике являются не соответствующие времени критерии эффективности деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: латентность, правоохранительные органы, убийство, кража, преступность, виктимизация.

COMPARATIVE ANALYSIS OF LATENT CRIME IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES: CHALLENGES AND PROSPECTS

V. E. KVASHIS, chief research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor, honored scientist of the Russian Federation

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: kvashis@mail.ru

The article considers the problems of Russian and foreign practice of crime registration, its nature, situation with the latent crime and the methodology of the latency calculation. Latency study is one of the areas of crime analysis, with the ultimate goal of improving the law enforcement practice. The comparative nature of this analysis enriches the content of scientific knowledge about these processes and its practical significance. Thus, it is forced to consider that the comparison of statistics of different countries is related to certain limitations, because different legal systems have different understanding of a number of crimes; in addition the specificity of the crime metering in the national statistics has some effects (hence the range of indicators and their comparability). Official data largely do not coincide with the actual crime. There is a significant layer of latency between them. It is hidden and concealed crimes which can not be metered properly. Its magnitude is influenced by many factors, without which it is impossible to give a reasonable assessment and forecast of the situation. In most developed countries the overall level of latency is much lower than in Russia; if it grows it is mainly due to the growth of the «natural» latency, when the population report to the police only about serious crimes. The data on latency in the UK, USA and Japan confirms it. In Russia, a higher latency is mainly related to a significant block of crimes covered up from the metering. So the real crimes are much more than registered crimes. As a result, we have unreal pattern, we have a construction created by the practice of registration and official statistics. The source of this vicious practice can be found in inappropriate criteria of efficiency of activity of internal affairs bodies.

Keywords: latent, law enforcement, murder, theft, crime, victimization.

DOI: 10.12737/21869

Сравнительные исследования преступности и правоприменительной практики занимают все более заметное место в российском правовом и криминологическом дискурсе, привносят значительный массив новой и ценной информации, осмысление

которой помогает исследовать возможности адаптации зарубежного опыта к отечественным реалиям, повышает роль и привлекательность анализа механизмов реализации наиболее перспективных концепций и наиболее эффективных путей развития уголовной

политики в целях совершенствования системы противодействия преступности, законодательства и правоприменительной практики. В силу этого все больше растет актуальность и востребованность компаративных исследований, значительно расширяющих пределы отраслевого знания. Такого рода работы пока еще не носят системного характера и чаще всего дают лишь мозаичную информацию по соответствующей проблеме, но, как заметил А. Э. Жалинский, суммарно они существенно обогащают тезаурус науки, влияют на развитие отечественной криминологической и уголовно-правовой мысли и сказываются на процессах правотворчества¹.

Одним из шагов на этом направлении является сравнительное криминологическое исследование латентности как составной части преступности, с одной стороны, и, с другой — как практики учета и регистрации преступлений, являющейся, в свою очередь, составной частью правоприменительной практики в той или иной стране. Сути существующих здесь различий необходимо предпослать хотя бы несколько постулируемых в криминологии замечаний методологического плана.

Сравнение абсолютных показателей уголовной статистики разных стран связано, как известно, с определенными проблемами и ограничениями, поскольку в разных правовых системах и юрисдикциях существуют различные определения и разное понимание ряда преступлений (при этом за одним и тем же преступлением могут стоять разные измерители). Отсюда и большой разброс, а порой и несопоставимость показателей зарегистрированной преступности в разных странах. Особенности криминализации ряда правонарушений помимо всего прочего связаны и со спецификой практики их регистрации в национальной уголовной статистике. Например, в Германии и России в статистику преступности не включают мелкие кражи, а в Японии, например, такие кражи, наоборот, включаются в уголовную статистику, ибо они влекут за собой применение предусмотренного уголовным законом наказания в виде «малых штрафов» (*petty fine*).

На качество и уровень регистрации преступлений, а значит, на картину преступности в той или иной стране влияет множество различных факторов экономического, политического и социально-психологического плана. Так, в странах, экономически наиболее благополучных, с более высоким уровнем доходов населения, показатели зарегистрированной преступности, как правило, значительно выше, а там, где борьба ведется не столько с преступностью, сколько со статистикой, ниже. Вместе с тем более высокий уровень зарегистрированной преступности, как

правило, отражает не столько реальную криминальную ситуацию, сколько степень доверия полиции, которое выражается в более частом обращении к ней. Кроме того, в ряде стран, как показывают виктимологические опросы, население сообщает лишь о наиболее серьезных деяниях. Наконец, в странах, где развит рынок страхования для возмещения ущерба, заявление в полицию является обязательным условием, поэтому уровень зарегистрированных преступлений здесь, как правило, выше.

При всех указанных нюансах следует, во-первых, иметь в виду, что даже самые высокие показатели зарегистрированной преступности не могут сделать информацию о криминальной ситуации в стране исчерпывающе полной и точной. Официальные данные, как известно, в значительной степени (в разных странах по-разному) не совпадают с реальной преступностью. Между ними находится значительный слой *латентности*, т. е. не поддающейся точному измерению скрытой и скрываемой преступности. На ее масштабы влияет множество факторов — уровень развития общества, состояние уголовной политики и правопорядка, отражающее особенности социального и криминологического портрета страны, уровень доверия полиции и т. д. Без их учета нельзя дать обоснованную оценку и прогноз ситуации, которые определяют выбор стратегии и тактики борьбы с преступностью. Во-вторых, показатели зарегистрированной преступности *per se* не могут быть достаточно надежными индикаторами для оценки эффективности работы полиции и системы уголовной юстиции в целом.

В большинстве развитых стран общий уровень латентности значительно ниже, чем в России; он если и растет, то главным образом за счет роста «естественной» латентности, когда население сообщает в полицию лишь о наиболее серьезных преступлениях. В США, например, из года в год в полицию заявляют лишь половина потерпевших от насильственных посягательств и менее 40% — о преступлениях против собственности². Судя по коэффициентам латентности, реальная преступность здесь превышает зарегистрированную в 2,4 раза. В Великобритании в 2009 г. сравнение итогов опросов населения с полицейской статистикой показало, что применительно к насильственным преступлениям показатели преступности, зарегистрированной полицией, оказались даже выше, а по другим преступлениям они практически совпадали³. Все последующие годы руководство по-

¹ См.: Жалинский А. Э. Избранные труды: в 3 т. Т. 3: Уголовная политология. Сравнительное и международное право. М., 2015. С. 203.

² См.: Truman J. L., Rand M. R. Criminal Victimization 2009 // Bulletin. Bureau of Justice Statistics. 2010. October. P. 4; Квашин В. Е. Преступность в США: тенденции, причины, меры противодействия // Научный портал МВД России. 2013. № 2. С. 27—38.

³ См.: Home Office Statistical Bulletin. Crime in England and Wales 2008/2009. 2009. July. Vol. 1.

лиции предпринимает серьезные меры для повышения полноты и качества регистрации преступлений. Об их укрытии от учета как о сложившейся практике здесь говорить не приходится. Тем более что показатели зарегистрированной преступности постоянно растут. К концу 2015 г. число зарегистрированных преступлений за год выросло с 3,5 до 4,5 млн, а общее число потерпевших (по опросам) — с 6,3 до 6,7 млн человек⁴. Руководство полиции связывает рост показателей преступности с повышением уровня доверия полиции со стороны населения и с постоянным ростом требований к качеству учета и регистрации преступлений. Это подтверждается сокращением «вилки» между данными полиции и итогами виктимологических опросов, а также и самим характером преступлений, о которых сообщили потерпевшие.

Заметим, что в современной мировой криминологии все чаще отмечается значимость процесса «переформатирования» преступности, когда традиционные (насильственные и корыстные) посягательства все больше теснятся такими, которые еще недостаточно изучены и, главное, в силу своей природы отличаются высокой латентностью. При этом важно подчеркнуть, что такие процессы носят всеобщий характер. В той же Великобритании из общего числа преступлений, о которых сообщили опрошенные потерпевшие (6,5 млн), 3,8 млн преступлений приходится на долю различных форм мошенничества и 2,0 млн — на долю компьютерных преступлений⁵ (заметим, что контроль за практикой регистрации преступлений здесь ведется в трех самостоятельных ведомствах — в Министерстве внутренних дел, в Департаменте национальной статистики и в аппарате Главного констебля, ответственного именно за эту сферу работы на национальном уровне).

В Японии латентность также связана с тем, что потерпевшие от менее значительных преступлений против собственности (кражи составляют здесь 70% от всей преступности) чаще всего не сообщают о них в полицию из-за незначительного ущерба и неизбежной потери времени на формальные процедуры. Как уже отмечалось, в национальной статистике преступности регистрируются даже мелкие кражи. О практике сознательного укрытия преступлений от учета нет речи в принципе. Более того, несколько лет назад разразился скандал, когда выяснилось, что в отчете одной из префектур показатели реальной преступности были значительно завышены. Руководство полиции пыталось таким путем добиться увеличения штатной численности, роста финансирования и технической оснащенности.

Что же касается процесса «переформатирования» преступности, то здесь он проявляется в невиданном ранее росте «геронтологической» преступности, связанном с последовательным ухудшением демографической ситуации, а также с неблагоприятными изменениями в динамике компьютерных преступлений. Кроме того, несмотря на значительную активизацию мер и заметные успехи в противодействии организованной преступности, говорить о переломных изменениях в этой сфере, судя по последним сообщениям японской полиции и прессы, преждевременно⁶.

В России ситуация существенно иная. Отсутствие порядка в сфере учетно-регистрационной практики здесь сохраняется десятилетиями. Более высокая, чем в зарубежных странах, латентность преступности связана прежде всего со значительным массивом преступлений, укрываемых от учета и регистрации (т. е. с «искусственной» латентностью). Поэтому реальная преступность, как показывают многочисленные исследования, в разы превышает зарегистрированную⁷. В итоге мы имеем дело не с реальной фактурой, а с конструктом, создаваемым порочной практикой регистрации и официальной статистикой. Если верить этому конструкту, за последние 10 лет уровень преступности в стране снизился почти в два раза, а уровень убийств — почти в три раза. Тех, кто «рисует» такую статистику, не смущает, что это «снижение» происходит на фоне глобализации преступности, в том числе на фоне роста коррупции и организованной преступности.

Укрытие преступлений от учета — давняя болезнь, охватившая не одно поколение правоохранителей, и потому она если и примечательна, то лишь своей обыденностью. Оно изначально детерминировано установившейся порочной практикой, когда основным критерием эффективности работы полиции служит лишь уровень раскрываемости преступлений (который рассчитывается в зависимости от числа зарегистрированных преступлений; понятно, чем меньше зарегистрированных преступлений, тем выше будет уровень раскрываемости). Такой подход ведет к всевозможным ухищрениям и нарушениям в деле учета и регистрации преступлений, чтобы поддерживать фикцию высокой раскрываемости и эффективности полиции.

Прелесть официальной статистики помимо всего прочего состоит в том, что число зарегистрированных преступлений в России в последние 10 лет почти в три раза ниже, чем в ФРГ, и в шесть-семь раз ниже, чем в США. Между тем, по нашим расчетам, общее число преступлений в России ныне составляет не 2,4 млн, а не менее 11—12 млн. Точную цифру назвать никто не

⁴ Home Office Statistical Bulletin. Crime in England and Wales 01/2015. 2015. July. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/uk/news/crime/11362013>.

⁵ См. Report “Crime Outcomes in England and Wales in 2014/2015”.

⁶ См.: Квашин В., Морозов Н. Организованная преступность в Японии // Научный портал МВД России. 2013. № 4; The Japan Times. 2015. June 16; USA Today. 2015. 25 Oct.

⁷ См.: Латентная преступность в Российской Федерации: 2001—2006 гг. / под ред. С. М. Иншакова. М., 2007. С. 75, 101.

может, ибо в основу регистрации преступлений положен порочный принцип, при котором деяние попадает в статистику лишь после возбуждения уголовного дела, чего мировая практика и криминологическая наука не знают. В 2006—2015 гг. общее число зарегистрированных заявлений о преступлении выросло почти в два раза (с 19,1 до 29,3 млн), а доля заявлений, по которым были возбуждены уголовные дела, снизилась почти в три раза (с 16,9 до 5,9%). Как видно, поле для манипуляций со статистикой практически не ограничено. Не случайно в исследовании Института проблем правоприменения отмечалось, что государство опирается на настолько искаженные данные, что не только не имеет представления о действительном состоянии преступности, но и, оценивая работу правоохранительных органов, видит лишь искусственно сформированную картину, не меняющуюся много лет. Фальсификация документов первичного учета, а также искажение сведений о состоянии преступности путем принятия необоснованных процессуальных решений дают 96% всех нарушений в сфере уголовной статистики (в ходе проверки регистрационной дисциплины за 2011—2014 гг. выявлено свыше 1,5 млн нарушений)⁸. В итоге власти «скармливаются» заведомо искаженная картина преступности, та делает вид, что верит и озвучивает липу, которая получает уже более высокий официальный статус.

В результате известных манипуляций оказывается, что по показателям общей раскрываемости (50—55%) Россия обошла не только Японию (30—32%), но и ФРГ, где уровень раскрываемости самый высокий среди европейских стран (42%). Давние пороки учетно-регистрационной практики (регистрируется чаще всего то, что уже раскрыто или заведомо будет быстро раскрыто) и «игры» со статистикой приводят и к другим «рекордам», которые особенно впечатляют, когда речь идет о динамике убийств или краж. Если верить официальным данным, то число краж в России с 2001 по 2014 г. снизилось с 1,273 млн до 614 тыс. (на 51,8%). Выходит, что последний показатель в полтора раза ниже числа краж, в тот же год зарегистрированных в Японии (где самые низкие показатели), в 2,2 раза ниже, чем в Великобритании, почти в четыре раза меньше, чем в ФРГ, и почти в 10 раз меньше, чем в США. Показатели раскрываемости краж в России оказались в полтора раза выше, чем в ФРГ и Японии, и в два раза выше, чем в Великобритании и США. Между тем, как показали наши расчеты, число краж в России в 10 раз выше показателей официальной статистики⁹. Очевидно, что при-

нятая в России оценка эффективности деятельности полиции, соотносимая лишь с показателями зарегистрированной преступности, будет соответствовать удобной фикции, но никак не будет отражать реальное положение дел.

Не менее удивительные трансформации и «рекорды» можно наблюдать в отечественной статистике убийств — общепринятого показателя безопасности общества и его нравственного состояния. Как показывают исследования отечественных и зарубежных криминологов, в любой стране, если нет масштабных социальных потрясений (войн, революций и т. п.), число убийств долгое время остается достаточно стабильным, хотя в рамках этой общей тенденции могут иметь место (и имеют) некоторый прирост или, наоборот, спад числа убийств. В России, судя по официальной статистике, об этой общей закономерности говорить не приходится — здесь и особые правила учета, и особые способы манипуляции со статистическими показателями, которые осложняют сопоставимость и достоверность результатов сравнительного анализа. По данным МВД России, с 2001 по 2015 г. число убийств сократилось с 33 588 до 11 325 — в три раза. Между тем столь оптимистические данные нельзя признать достоверными. Как показали расчеты фонда «Индем», а также исследования отечественных ученых (Я. И. Гилинский, С. М. Иншаков, В. Е. Квашиш, М. П. Клейменов, Л. В. Кондратюк, В. В. Лунеев, В. С. Овчинский), число убийств в России значительно превышает официальные показатели (по нашим расчетам, в 2,5 раза). Методы манипуляции с показателями убийств много раз описаны в криминологической литературе (неопознанные трупы, без вести пропавшие и т. д.) и потому подробно останавливаться на них нет необходимости; очевидно, что столь благополучная статистическая картина отражает не реальное положение дел, а практику регистрации убийств и, как следствие, их латентность. Об этом лишний раз напомнили и недавно опубликованные данные Росстата о числе погибших в результате убийств в 1990—2015 гг.; здесь показатели почти ежегодно значительно превышают данные МВД.

Важно иметь в виду, что лукавая отечественная статистика в отличие от уголовной статистики Японии, США и других стран учитывает не число убитых, а число фактов (эпизодов): когда по одному эпизоду убито пять человек, в статистике учитывается лишь одно убийство. Именно так (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) учитываются убийства ряда лиц, совершенные маньяками, серийными убийцами, преступными группировками. Следует также иметь в виду, что в большинстве развитых стран в статистику убийств входят все случаи криминального насилия, повлекшего смерть, а в России причинение вреда здоровью, повлекшее смерть, в статистику убийств не включается. Все это при сравнительном анализе заставляет вносить в оценку статистических показателей

⁸ См.: Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования. Исследовательский отчет. СПб.; М., 2015. С. 49—52.

⁹ См.: Квашиш В. Е., Генрих Н. В. Преступность в России и зарубежных странах: методологические аспекты сравнительного анализа // Пролог (Журнал о праве). 2013. № 4.

определенные коррективы. Отметим, что на самом деле число убийств (вместе с покушениями) должно быть намного выше показателей Росстата. Другое дело, что данные Росстата, очевидно, более достоверны (чем статистика МВД), поскольку они основаны на заключениях медиков о причинах смерти и данных органов загс.

Уголовная статистика в России в отличие от статистики Великобритании и США учитывает убийства вместе с покушениями, а данные Росстата — лишь число убитых; между тем показатели Росстата и МВД России, например, за 2012—2015 гг. почти совпадают¹⁰. Этот факт указывает на манипуляции со статистикой покушений, которые либо укрываются от учета, либо квалифицируются по другим статьям УК РФ. Это подтверждается и судебной статистикой, где среди осужденных за убийство в 2014 г. 10% приходится на виновных в покушениях. Впрочем, это лишь один из многих приемов, скрывающих реальное число убийств.

В заключение укажем, что часть приведенных исследовательских оценок базировалась на расчетах коэффициентов латентности, вытекающих из итогов виктимологических опросов. В методологиче-

ском плане такие расчеты, разумеется, не являются безупречными; их точность и ценность следует признать относительными уже в силу субъективного характера информации, полученной в результате опросов. К тому же эти опросы охватывают лишь один, пусть и значительный, пласт потерпевших — физических лиц, тогда как преступность наносит ущерб и нарушает интересы более широкого круга потерпевших — юридических лиц, общества и государства. Это вовсе не значит, что полученные результаты не следует принимать в расчет; их значимость состоит в том, что они являются одним из важных шагов на пути определения масштабов латентности и в известной мере приближают наши представления о реальной преступности. Вместе с тем следует иметь в виду, что подлинные показатели латентности и, следовательно, реальные масштабы преступности, выявленные на основе более совершенных и объективных методик, будут значительно отличаться от показателей, рассчитанных на основе виктимологических опросов, причем вовсе не очевидно, в какой мере и в какую сторону. Поэтому совершенствование методологии и методики расчета латентности остается одной из актуальных задач исследований, связанных с определением масштабов и социальных последствий реальной преступности.

¹⁰ URL: <http://www.rusvesna.su/news/1454932642>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Truman J. L., Rand M. R. Criminal Victimization 2009 // Bulletin. Bureau of Justice Statistics. 2010. October.
- Жалинский А. Э. Избранные труды: в 3 т. Т. 3: Уголовная политология. Сравнительное и международное право. М., 2015.
- Квашиш В., Морозов Н. Организованная преступность в Японии // Научный портал МВД России. 2013. № 4.
- Квашиш В. Е., Генрих Н. В. Преступность в России и зарубежных странах: методологические аспекты сравнительного анализа // Пролог (Журнал о праве). 2013. № 4.
- Квашиш В. Е. Преступность в США: тенденции, причины, меры противодействия // Научный портал МВД России. 2013. № 2.
- Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования. Исследовательский отчет. СПб.; М., 2015.
- Латентная преступность в Российской Федерации: 2001—2006 гг. / под ред. С. М. Иншакова. М., 2007.